

ПОЛЁТ

Кристофер тяжело вздохнул и подкурил очередную сигарету, виски сдавило болью, но он словно ничего не заметил. В его груди нарастало жжение от горькой обиды: как, как Она могла забыть своего «милого сурового ястреба»?! А ведь забыла... прошла, словно мимо пустого места, лишь удивлённо приподняла бровь на его ласковое приветствие и, бросив через плечо небрежное «здравствуйте», взяла под руку лоснящегося от самодовольства обывателя, видимо, своего супруга. А ведь как хороша чертовка! Прошедшие годы не исказили тонкие аристократические черты ни паутиной морщин, ни дряблостью и отёчностью щёк, как у большинства её сверстниц, разве что выпили весь задор юности и живости характера. А этот индюк надутый вышагивал с ней рядом, не понимая, какое сокровище ухватил, считая само собой разумеющимся, что эта женщина принадлежит ему. Ну и пусть! Сама виновата, сама выбрала тихую бюргерскую жизнь вместо пламени его, Кристофера, страсти, вот пусть теперь и тлеет древесным угольком...

Мужчина выбросил недокуренную сигарету, облокотился на перила гостиничного балкона (его номер на последнем, пятнадцатом, этаже), посмотрел на луну, молчаливого и бесстрастного свидетеля их бурного романа с Кэролайн. И вдруг его словно обожгло: что стало с её глазами? Глаза женщины из торгового центра не могли принадлежать его Сойке – куда исчезли искорки счастья и вечная насмешка? Где теплота и почти наивное удивление миру? Их нет, те глаза,

видимо, умерли, как и её чувства. А на их месте появились две тёмные пропасти отчаянья и боли! Но как же быстро она укрыла их пеленой равнодушия. Так вот что поразило его в этой новой Кэролайн – не равнодушные, не чопорность, а этот немой, мгновенно заглушённый вопль отчаянья! Он, да ещё едва заметное движение совсем чуть-чуть поникших плеч, да горделиво приподнятый подбородок, да досадливое «бывает» в ответ на его «извините, я, кажется, обознался».

Каким же дураком надо быть, чтоб не понять, что она ничего не забыла, что она всё ещё любит его! Что всё это показное равнодушие для мужа. Что ещё несколько слов, напоминающих о прошлом, и она полетела бы в объятия своего Ястреба, забыв обо всём на свете!

Его душа устремилась к луне, скрытой лёгкой вуалью облаков, моля о возрождении их счастья, а тело, лишившись её поддержки, неловко перекувыркнулось через перила и, нелепо растопырив руки и ноги, в оглушительной тишине полетело вниз...

На балконе мансарды добротного коттеджа, стоящего на крутом утёсе, нависшем над бурлящим морем, появилась почти прозрачная женская фигура в лёгком кружевном пеньюаре. Тонкая рука стремительно прижалась к разбитым губам, заглушая готовый сорваться стон. Кэролайн оглянулась и сквозь стекло посмотрела на наконец уснувшего пьяного мужа. Как она могла так ошибиться в этом человеке? Ведь он казался таким добрым, заботливым тогда, много лет назад, когда она согласилась стать его женой.

Кристофер исчез, отправился на поиски новых впечатлений, конечно, он звал её с собой, но... он и словом не обмолвился ни о браке, ни о своих чувствах, единственное, о чём она знала наверняка, так это об их страсти, никого никогда не хотела она так, как хотела своего Ястреба, ни один из мужей – ни первый, рано скончавшийся, ни нынешний – не имели такой власти над её телом! Но страсть имеет свойство выветриваться, и что осталось бы бедной Сойке, кроме выжженной пустоши? И поэтому она

предпочла буйству стихий тихий семейный очаг с добродушным симпатичным мужчиной, который не потребует весь жар измученной души, а лишь немного тепла и участия. Он тоже в прошлом едва не сгорел в горниле всепоглощающей страсти и поэтому был рад её скорее дружеской нежности.

Когда же всё изменилось? Когда покадилась под откос их размеренная респектабельная жизнь? Когда милый увалень превратился в чудовище, или он и был таким всегда, а она, выходя замуж не любя, не заметила его чёрствости и даже жестокости?

Кэролайн повернулась к морю. «Какие славные птички порхают в этом унылом парке. Здравствуй, Сойка», – этот голос остался звучать в её сердце с момента последней встречи. Но рука послушно легла на согнутый локоть мужа, а горло вытолкнуло холодное равнодушное «здравствуйте». «О, простите, мадам, я, видимо, обознался», «бывает, месье». А сердце рванулось вслед за удаляющейся спиной в элегантном костюме, а душа молила о спасении, а тело вспомнило пламя страсти! Но ушёл, ни разу больше не оглянувшись, а её накрыло разочарование, копившееся уже несколько лет. Зачем судьба столкнула их опять? Тем более теперь, когда полёт их страсти в глазах общества будет ещё большим падением?

Она подняла заплаканное лицо к небу, навстречу ей по зыбкой лунной дорожке в предутреннем тумане стремились его глаза, бездонные, как небо или океан, обещающие покой и счастье, умоляющие о любви... Душа женщины полетела навстречу этим, таким родным, незаслуженно отвергнутым ею глазам. А пена испачканных кровью кружев смешалась с пеной прибоя у подножия скалы.

ГЛАЗА

Мне лет двенадцать... Близится полночь. Начинаю кемарить перед телевизором, сквозь вязкую дремоту чувствую, как папа берёт меня на руки и относит в нашу

с бабушкой комнату. Сладко потягиваясь, устраиваюсь поудобнее. Отец выходит из комнаты и прикрывает за собой дверь. Поздняя весна сочится в открытую форточку лёгкой прохладой и таинственным шумом.

Тяжёлый вздох из ниоткуда разрывает границы сна и реальности. Я хочу позвать бабушку, но её нет – не помню, где она: смотрит телевизор или уехала в гости. В комнате я одна! Леденящий ужас парализует руки и ноги, сдавливает горло спазмом. Язык прилипает к пересохшему нёбу. С трудом разлепляю глаза... Из тёмного угла в ногах кровати на меня смотрят светящиеся бледно-зелёным светом глаза... Вздох повторяется... Меня бросает в пот, я хочу закричать, но не могу – связки вместо звука пронзает острая боль... За стеной негромко бубнит телевизор, родители ещё не спят, надо только постучать в стену, и кто-нибудь обязательно придёт. Но под немигающим взглядом по телу разливается слабость, руки становятся ватными, а сердце бешено колотится под самым подбородком... Временами я даже забываю дышать, мне страшно отвести глаза от этих жутких бесплотных глаз, вдруг этот демон завладеет мной, пока я его не вижу?

Эта игра в гляделки с потусторонним миром длится целую вечность, я уже не в силах различать ничего, кроме этих зелёных фосфоресцирующих глаз и тяжёлых нечеловеческих вздохов. Холодея от ужаса, покрытая липким потом, я пытаюсь вспомнить молитвы, которым учила бабушка, но парализованный ужасом мозг отказывается работать.

– Купчиха! – раздражённый голос мамы раздаётся под самым моим окном, а я и не заметила, как она вышла на улицу. – Вот куда ты вечно лезешь!

Корова тяжело вздыхает и, подгоняемая похлопываниями хозяйской руки, покидает небольшой огородик. Я наконец отрываю взгляд от гипнотических глаз и осторожно сползаю с кровати, иду на кухню попить, свет в комнате не включаю – всё ещё боюсь демона.

На обратном пути оставляю дверь открытой и в смутном полумраке вижу, что светящиеся глаза вовсе и не глаза, а крылья фосфорной статуэтки орла, а сам орёл загорожен от меня сидящей перед ним на полке плюшевой обивкой. Накрываю нарушителя своего спокойствия шарфом и спокойно засыпаю.

ШАМАН

Шустрый прохладный ветерок весело дёрнул лёгкие занавески на открытой балконной двери, взметнул облачко сигаретного пепла из резной пепельницы, сделанной из берёзового нароста, качнул поникшие от июльской жары цветы на подоконнике и отправился исследовать комнату. Задел неосторожно висевший на стене деревянный, обтянутый тонкой кожей бубен; заметался испуганно среди хрустальных висюлек на люстре, немного успокоился от их мелодичного перезвона и наконец обратил внимание на спящего на стареньком диване молодого мужчину.

Длинные тёмные ресницы вздрагивают тревожно, бросают тени на давно не бритые щёки, короткие густо-каштановые волосы влажно топорщатся над покрытым испариной лбом, нервно вздрагивает крепкая, привыкшая к работе рука, сейчас по-детски прижатая к щеке. Выцветшая простыня сползла на пол, открывая загорелый торс.

Ветерок свистнул своих товарищей, и они весело налетели на спящего, щекоча его ноздри невесть как попавшим в квартиру алым цветочным лепестком, тронули тонкую кожу ритуального барабана, стоящего в изголовье, живительной свежестью пробежались по крепко смежённому векам, загудели на разные голоса в пустой посуде на столе, смели на пол не убранные хозяином крошки и весёлой стайкой метнулись на улицу.

Парень сел на диване, низко застонав, помотал головой, разгоняя остатки удушливого полуденного сна, навеянного невыносимой жарой, потёр переносицу и вышел на балкон – солнце, раскалившее с утра его чертоги, уже повернулось к закату, его золотые,

осызаемые на вид лучи скользили теперь мимо, рассыпаясь яркими искрами на зарослях разноцветных мальв, растущих вдоль тропинки, затенённой молодыми клёнами. Звенящий послеобеденный воздух струился удушливым маревом, наполняя лёгкие тяжёлой вязкостью. «Сейчас бы не помешал хороший дождь!» – мелькнула первая мысль в задурманенной голове. Мужчина расправил грудь и запел осипшим со сна голосом:

– Ой, ой да конь мой вороной ...

Первые тяжёлые капли упали на понурые пыльные листья растущей под балконом ранетки.

– Ээй, да обрез стальноюой...

Небо заволокла большая тёмная туча.

– Ээй, да лесной тума-ан...

Крупные капли веселее забарабанили по листьям, по цветам, по стоящим внизу машинам, по ещё не остывшему телу певуна, а его голос, словно подпитываясь живой силой стихии, всё креп:

–Эй! Эй да батька атаман! Эй да батька-атаман!

Усилившийся ветер заплодировал мятым железом старых обгорелых сараюшек.

А парень, словно не замечая ничего вокруг, упоённо развернул припомнившийся припев старой казачьей песни во всю ширь своего голоса:

– Ой, ой да конь мой вороной!

Эй, да обрез стальноюой!

Ээй! Да лесной тума-ан!

Эй! Эй, да батька-атаман! Эй, да батька-атаман!

И чем громче он пел, тем сильнее били дождевые струи в иссохшуюся, исстрадавшуюся от зноя землю, тем неистовее плясал среди полудиких зарослей ветер. И, видя это буйство стихии, почувствовав свою силу, молодой шаман уже не мог остановиться, и далеко окрест летел его зычный молодой голос над бурлящим потоком неистовства:

– Ой, ой да конь мой вороной!

Эй, да обрез стальноюой!

Ээй! Да лесной тума-ан!

Эй! Эй, да батька-атаман! Эй, да батька-атаман!